

Меня раздражает яркий свет. Не люблю жаркие солнечные дни, мне приятнее пасмурная погода и сумрак. Наверное, патология, но поделать с этим ничего нельзя. Мне трудно прожить жаркий день — низкая работоспособность, подавленное настроение... А вот когда стоит прохладная осенняя погода, я могу свернуть горы.

Короче. Стоял очень жаркий день двадцатых чисел июля, причём выходной — суббота. Знойный, раскалённый город опустел: все жители, кто смог куда-то выехать — к водоёму или на дачу, — выехали. Я же брёл по безлюдной улице, стараясь попасть в обрывистые тени от деревьев. Рубашка прилипла к спине, лицо было мокрым от противного пота. Я шёл и думал, что нужно как-то начинать новую жизнь, хотя, если честно, совсем не хотелось продолжать настоящую. Уже целый месяц меня преследовала жуткая депрессия. Всё дело в том, что у меня распалась семья. Кто-то скажет: ну, дело-то житейское, все семьи рано или поздно по каким-то причинам распадаются. Так-то оно так, но легко говорить про другие семьи, а вот когда касается тебя самого...

Хотя мой брак и был очень сложным, я всё равно не хотел, чтобы он прекратился. Во-первых, я продолжал любить свою жену, теперь уже бывшую, и мне трудно, почти мучительно, было представить, что у неё появится кто-то другой. А он, скорей всего, уже появился, иначе как объяснить её решительные действия по продаже квартиры? Фактический развод по суду у нас состоялся давно, уже четыре года назад, но я, сохраняя попытку всё наладить, продолжал жить под одной крышей, хотя временами это было ужасно: скандалы, скандалы, скандалы. Во-вторых, дочь. Для меня было крайне важным, чтобы она успела закончить школу до разъезда. Кстати, мне это удалось. А в третьих, я просто привык к своей квартире, где мы

прожили все вместе пятнадцать лет, мне там было уютно, к тому же я, как собака, привыкаю к одному месту. Вот и сейчас я чувствовал себя собакой, которую выгнали со двора.

Деньги от проданной квартиры мы поделили так: одна треть мне, остальное жене. Это она так решила, я не оспаривал, на это уже не было эмоций. Тогда мне было всё равно, лишь бы она не начинала хорошо известный монолог на тему «посмотри на других» — я слушал его несколько лет. Звучало это примерно так:

«Тебе уже сорок лет (или сорок один, или сорок два, или сорок три), а чего ты достиг? Чего ты добился в жизни? Что ты собираешься дать своей дочери? Про себя я уже молчу, мне от тебя уже ничего не дожидаться. (В этом месте я обычно предпринимал слабую попытку возразить, что я, в общем-то, неплохо зарабатываю, не пью и не гуляю. Впрочем, я впоследствии всегда жалел о сказанном.) Да лучше бы ты пил и гулял, но при этом хоть что-нибудь делал. (Работа на заводе полезной деятельностью не признавалась, мне надлежало стать бизнесменом, и непременно преуспевающим. Сейчас должны пойти сравнения. Так и есть.) Вон Любкин мужик — вот я понимаю, мужик: уже три машины из Владивостока пригнал, и шуба у Любки есть, и в Таиланд они летают. (Здесь нужно сказать, что в Таиланд моя супруга тоже летает — правда, без меня.) Все твои друзья в жизни чего-нибудь добились. Ты посмотри: один рыбой торгует, другой грузоперевозками занимается, у третьего сервис свой. А ты? Ты — неудачник, ты — жизненный неудачник. Знай: я тебя уже давно не люблю, я не знаю, чего ты выжидаешь».

После таких монологов я чувствовал себя опустошённым и действительно неудачником. Я — опустошённый жизненный неудачник сорока трёх лет от роду. Всем привет! Да, женщины не любят неудачников — им подавай успех (это фраза Л. Филатова из какого-то фильма, не помню).

Потом, чтобы опровергнуть самого себя, я начинал вспоминать свои достоинства. Я — офицер запаса, я — спортсмен-боксёр (правда, бывший), я — внештатный корреспондент в газете. Между прочим, последний аргумент как бы давал мне право быть причисленным к пишущей братии, а поскольку мне очень нравилась проза Сергея Довлатова, то я дерзнул себя считать почти равным ему (правда, об этом никто не знал), и про себя я называл его просто Серёгой. Я часто разговариваю сам с собой, причём в этом диалоге я — это непосредственно

я, а мой воображаемый собеседник — тоже как бы я, или, по крайней мере, личность, очень хорошо меня знающая; тот, другой «я» обычно меня критикует или откровенно ругает, но тем не менее он всегда за меня. Бред? Ещё какой!

В тот июльский день я говорил сам себе: вот и у Серёги с женой были нелады, она от него тоже ушла. И оттого, что наши судьбы с Сергеем Довлатовым чем-то схожи, мне становилось немного легче. Но совсем немного, буквально чуть-чуть.

Когда в газете напечатали два моих коротеньких рассказа, я думал, что в глазах бывшей моей супруги буду несколько выше. Ошибался.

— Я буду теперь звать тебя Экзюпери,— произносилось это с иронично-презрительной интонацией.— Лучше бы делом занялся...

Моя супруга, теперь уже бывшая, принадлежала к числу деловых женщин: у неё был небольшой отдел в торговом центре, общалась она в основном с людьми своего круга. Я в тот круг не попадал. Она старалась быть современной во всех отношениях и даже, следуя моде, сделала себе несколько небольших татуировок, что в моём понимании было сродни глупости: бабе сорок лет всё-таки. Хотя выглядит она для своих лет неплохо.

Здесь моё второе «я» обычно мне говорит, что хватит думать о прошлом, нужно как-то начинать новую жизнь. А какой она должна быть, эта новая жизнь, не знали ни я, ни моё второе «я». Хотя у второго «я» всегда были заготовлены два-три варианта дальнейшего развития событий, но они всегда казались какими-то нереальными.

Навстречу проехал автомобиль, из которого доносилась громкая музыка. Симпатичная девушка помахала мне рукой из заднего окна. Кто это? Знакомая? Вряд ли, у меня таких знакомых девушек нет. Просто помахала какому-то мужику, настроение хорошее, едут отдыхать, на позитиве. Отчего бы не помахать уныло бредущему типу? Эй, ты! Выше голову. Ну-ну. Смешные люди: чему радоваться-то? Ну приедете сейчас на озеро — там народу уже тьма тьмушая. Сначала будете искать место, где машину поставить, потом искупаетесь, напьётесь, пообгорите на солнце. Ночью будет секс, скорее всего — спонтанный, но напоминающий ритуальный обряд. Ну а как без этого? Что потом? Наутро красная кожа на спине — не прикоснуться, больная голова, да ещё мысли о том, что презерватива-то не оказалось. М-да. Дела. И это у них называется — отдых.

Думал, что моё второе «я» начнёт мне возражать, но нет, подтверждает: действительно, какой же это отдых? Это наказание.

Тут второе «я» задаёт вопрос: «А тебе какой отдых нужен?» — «Да никакого. Вот бы сейчас февраль, так, чтобы вторая половина, когда в конце дня бывает синее-синее небо, запах снега и ожидание двадцать третьего февраля. Люблю этот праздник. А ещё бы просто выспаться, и чтобы соседи за стенкой не орали и не включали музыку». — «Нет, ну всё же? То, о чём ты говоришь, — это обыденность. А я спрашиваю про отдых». — «Отдых? В санаторий бы в какой-нибудь. Но не на юге, где-нибудь здесь. И осенью. Чтобы по парковым дорожкам прогуливались привлекательные дамы от тридцати пяти до сорока, чтобы можно было с ними любезничать. А потом идти в номер, наливать кофе и садиться писать повесть, да такую, чтобы она сделала тебя известным. А вечером опять дамы, и чтобы закончился вечер пикантно. Банально? Но я уже столько времени без женщины, что в голове все мысли только на женскую тему». — «Ну у тебя же есть кое-какие варианты. Вот с тобой работает такая дамочка интересная, она тебе даже в соцсетях что-то такое писала, очень даже недвусмысленное. Чего ты теряешься, не мальчик же? А эта старая твоя знакомая, друг семьи. Ничего же бабёнка! Звонила пару раз, переживает, как ты после развода себя чувствуешь». — «Да не то это. Не то, что нужно. Секса без обязательств там не получится, а связываться с ними какими-то отношениями мне бы не хотелось. А обманывать я их не хочу. Вот санаторий — это совсем другое дело». — «Про санаторий пока забудь. На это у тебя нет денег. Кстати, у тебя нет денег практически вообще ни на что. Как ты жить-то собираешься?» — «До зарплаты как-нибудь дотяну, а потом всё стабилизируется».

Моё второе «я» было абсолютно право: денег не было совсем. После оплаты услуг риэлтеру, маломальского ремонта и оплаты учёбы дочери денег не осталось совсем. Ну совсем нисколько. Благо, что у меня был небольшой отпуск и не нужно было ходить на работу. Чай, сахар у меня были — этим я завтракал. Обедал у друзей, друзья ещё старались что-нибудь съестное в пакете мне сунуть. От денег я отказывался, потому что вот-вот должна быть зарплата. Эх, как же так-то?..

— Постойте! Подождите! — приятный женский голос заставил меня оглянуться. — Здравствуйте. Вы меня не узнали?

Меня догнала та самая девушка, которая махала мне из машины. Впрочем, когда она подошла ближе, то я понял, что она

несколько старше, нежели показалась мне издалека. Ну, где-то года тридцать два. Но симпатичная: светлые волосы до плеч, голубые глаза. Белые брючки, белая маечка. Стройная. Что-то знакомое в этом взгляде, в этой улыбке. Я её не узнал, но наврал, что сразу же узнал.

— Ну как же можно вас не узнать? — как бы возмутился я.

Но сделал я это неискренне, и она, чтобы не ставить меня в неловкое положение, дала мне подсказку:

— Вы приходили к нам на работу, статью про нас писали в газету. Я хотела сказать вам спасибо, мне очень понравилось. И девочкам нашим. Фото очень хорошее — я там получилась удачно.

Теперь вспомнил, точно вспомнил. Был в поликлинике, месяца два назад, позвонили из редакции, просили подготовить материал о новом диагностическом оборудовании. Сходил, пообщался. Статья получилась неплохая, без патетики, в выдержанных тонах, но вместе с тем как бы хвалебная (не буду здесь её приводить целиком).

— Ну, вы такая красавица, вы в любом случае удачно получите, — я произнёс ужасно пошлую фразу.

Девушка (ну, или молодая женщина) пропустила мой комплимент мимо. Хорошо. Деликатная.

Возникла пауза, мы молча смотрели друг на друга. Затем она сказала, что я успешный человек (с чего это она взяла?), что она читает все мои статьи в газетах и они ей очень нравятся.

— Только ваших статей не очень много почему-то...

— Так я же внештатный корреспондент, основная работа у меня — это завод.

— А кем вы работаете?

— Начальником смены. Два дня работаю по двенадцать часов, два — отдыхаю. Вот в свободное время пишу...

Нужно было продолжить беседу, но что говорить дальше? Пригласить куда-нибудь? Так денег нет. Эх...

— Ну, мне пора, — девушка протянула руку.

Странно это как-то: вышла из машины, догнала, а теперь ей пора.

— А вы куда-то ехали?

— Нет, это сестра машину купила, вот немного прокатились.

— Ясно, ясно, — здесь я понял, что она специально вышла из машины из-за меня и теперь, поскольку я веду себя очень нерешительно, из деликатности делает вид, что ей нужно куда-то идти. — Ну что ж, я, некоторым образом, тоже занят...

Мы расстались.

«Ну ты лох,— сказало мне «я»,— законченный! Такая девушка идёт тебе первая навстречу, а ты... Короче, у меня нет слов».

Я не стал отвечать второму «я», так как у меня уже созрел план. Конечно же, я такую девушку не упущу...

Через три дня я, чисто выбритый, в наглаженных брюках, в светлой рубашке с коротким рукавом, направился в поликлинику. Я хорошо помнил тот диагностический кабинет, об открытии которого писал в газете. Вот он. Остановился перед дверью в некотором замешательстве, думая, что сказать в первые минуты. Решил: буду врать, что нужно написать ещё один очерк, уже для региональной газеты. Вдруг дверь открылась.

Она.

Широко открытые от удивления глаза, на халате спасительный бейджик, на котором имя: Светлана. Врать не пришлось, выложил всё сразу открытым текстом: все эти дни думал о вас, давайте куда-нибудь сходим.

Она согласилась...

Прошло шесть лет. Я часто вспоминаю тот утомительный жаркий день, в котором для меня не было просвета, и думаю, как сложилась бы моя дальнейшая судьба, если бы меня случайно не увидела проезжающая в автомобиле Света. Мы пробыли с ней недолго, расстались мирно, объяснившись: разница в возрасте двенадцать лет — это очень много, мы были людьми из разных эпох, у нас мало было общего. Впрочем, жизнь у неё сложилась удачно: она встретила своего человека, родила ребёнка. Год спустя я тоже встретил свою женщину, спокойную и добрую, и моя жизнь потекла спокойно, как широкая равнинная река. Я издал свою первую книгу, близился мой пятидесятилетний юбилей. Моё второе «я» ехидно напоминало мне, что Сергей Довлатов до пятидесяти лет не дожил, умер от сердечной недостаточности, и что у меня тоже есть проблемы с сердцем. Я же говорил в ответ, что наши судьбы с Серёгой далеко не идентичны — ну хотя бы в том, что он гораздо талантливее меня. На этих словах моё второе «я» успокаивалось: «Жить, значит, хочешь?» — «Хочу...»